

ЛЕСНОЙ ПАСТЫРЬ

Ажон Гришем

18+

Джон Гришем
Лесной пастырь

«Автор»

2026

Гришем Д.

Лесной пастырь / Д. Гришем — «Автор», 2026

Тишина в его квартире не была покоем. Это была густая, вязкая субстанция, наполненная призраками прошлого. Бывший детектив Уильям Картер думал, что видел всё, пока анонимный звонок не швырнул его в самое сердце тьмы — в изолированную общину «Светлый Край». Здесь нет законов, денег и связи с внешним миром. Здесь царит «естественный порядок», где слово харизматичного лидера — Пастыря — выше любой морали. Смерть называют очищением, а пытки — возвращением к истокам. Но когда Картер начинает расследовать убийство, инсценированное под нападение зверя, он понимает: лес здесь ни при чём. Зло носит человеческое лицо и говорит о гармонии. Чтобы выжить и вывести секту на чистую воду, ему придётся сыграть по их правилам в игре, где ставка — жизнь, а победа невозможна. Он перешагнул черту между миром живых законов и миром, где убивают во имя чистоты души. И этот мир только что объявил ему войну.

© Гришем Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Звонок из ниоткуда	5
Глава 2. Эхо в лесу	8
Глава 3. Стена молчания	11
Глава 4. Архитектура пустоты	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лесной пастырь

Глава 1. Звонок из ниоткуда

Тишина в его квартире не была покоем. Это была густая, вязкая субстанция, наполненная призраками. Уильям Картер сидел на подоконнике, глядя на неоновые огни города, которые никогда не гасли, но для него сейчас не значили ничего. Часы на стене показывали 03:17. Он знал это, не глядя. Он чувствовал время кожей, как песок, утекающий сквозь пальцы.

Бессонница была его старым врагом и единственным верным спутником. Она пришла после дела «Мясника с Восточной улицы», когда он понял, что зло — это не сказка, а просто работа без выходных. Он потушил третью сигарету в переполненной пепельнице, и в этот момент тишину прорезал звук. Резкий, механический, чужеродный.

Старая проводная трубка стационарного телефона на столе. Кто в наше время звонит на стационарный? Картер медленно, словно боясь спугнуть звук, слез с подоконника. Аппарат молчал, но стоило ему приблизиться, как он зазвонил снова — один длинный, требовательный гудок.

Он снял трубку. В ней не было гудков. Не было тишины. Был только шорох статических помех и дыхание. Тяжелое, медленное дыхание человека на том конце провода.

— Кто это? — голос Картера был сухим, как наждачная бумага.

В ответ — лишь шипение. А затем — голос. Он был искажен, пропущенный через дешевый модем или вокодер, лишенный интонаций и тембра. Это был не мужской и не женский голос. Это был просто звук.

— Есть место... — проскрипел голос. — «Светлый Край». Там... смерть.

Связь оборвалась. Короткие гудки ударили по барабанным перепонкам более выстрела. Картер медленно положил трубку на рычаг. Он посмотрел на свое отражение в темном стекле окна: мешки под глазами, щетина, взгляд человека, который видел слишком много и слишком мало спал.

Он не должен был ехать. Он должен был выпить таблетку и лечь. Но Картер знал этот зуд в затылке. Это было не любопытство. Это была его болезнь — потребность идти туда, где темно.

Дорога заняла шесть часов и отняла последние силы. Асфальт закончился через час после выезда из города, уступив место разбитой грунтовке, которая змеей вползала в самое сердце дремучего леса. Фары его старого седана выхватывали из темноты лишь бесконечную стену елей и глубокие рытвины, от которых машину бросало из стороны в сторону.

Ощущение изоляции нарастало с каждым километром. Здесь не было вышек сотовой связи — экран телефона превратился в бесполезный черный прямоугольник. Не было фонарей. Только шум дождя по крыше и скрип подвески. Картер чувствовал себя так, словно его заживо проглатывало нечто огромное и первобытное.

Карта на экране навигатора показывала лишь серое пятно с надписью «Лесной массив». Поселок «Светлый Край» существовал вне цифровой реальности.

Он увидел его внезапно. Лес просто расступился, открывая поляну, окруженную частоколом из грубо обтесанных бревен. Никакой таблички «Добро пожаловать».

Никаких признаков цивилизации. Это была крепость из средневековья, перенесенная в современный мир.

Картер заглушил двигатель. Тишина леса обрушилась на него физически ощутимой волной. Он вышел из машины, и холодная сырость тут же пробралась под плащ.

Ворота были приоткрыты ровно настолько, чтобы мог пройти один человек. За ними начиналась утоптанная земляная дорога, ведущая к скоплению приземистых срубов. Ни единого электрического провода. Ни одной спутниковой тарелки.

В окнах горел тусклый свет свечей или лучин. Движения почти не было, но Картер кожей чувствовал взгляды. Они смотрели из-за занавесок, из-за углов бревенчатых стен. Враждебные, изучающие, пустые взгляды людей, отвыкших от чужаков.

Он пошел вперед по центральной «улице». Запах сырой земли смешивался с запахом дыма и чего-то еще... чего-то сладковатого и гнилостного.

Из-за одного из домов вышли двое мужчин. Они были одеты просто: холщовые штаны и рубахи навывпуск. Ни оружия в руках, ни агрессии в позах — лишь абсолютное спокойствие хищников, уверенных в своей территории.

— Ты кто? — спросил тот, что был постарше.

— Уильям Картер. Я... по поводу звонка. Мужчины переглянулись без удивления.

— Иди за нами. Они привели его к самому большому строению в центре поселка — длинному дому с высокой двускатной крышей. У входа стоял третий человек.

Он был высок и худощав, одет во все черное. Седые волосы до плеч обрамляли лицо с резкими, но не лишенными благородства чертами. В руках он держал простую деревянную чашку с дымящимся отваром трав. От него исходила аура абсолютного контроля.

— Я ждал тебя, Уильям Картер, — голос мужчины был низким и бархатным. Он обволакивал, заставляя вслушиваться в каждое слово. В нем не было ни капли удивления или спешки. Только глубокая, непоколебимая уверенность в себе и во всем мире вокруг него.

— Я Пастырь этого стада.

Он сделал глоток из чашки и посмотрел Картеру прямо в глаза. В этом взгляде не было ни страха перед законом большого мира, ни вызова ему. В нем было лишь холодное любопытство энтомолога, разглядывающего редкого жука.

— Что здесь произошло? — спросил Картер, борясь с желанием отступить на шаг под тяжестью этого взгляда.

— Смерть — это часть естественного порядка вещей, детектив, — спокойно ответил Пастырь.

Его голос звучал гипнотически, убаюкивающе, но за этой мягкостью чувствовалась стальная основа. — Мы здесь живем по законам природы, а не по вашим бумажкам из города. Иди за мной. Я покажу тебе то, что ты искал.

Пастырь шел впереди бесшумно, словно тень. Картер следовал за ним через поселок к его окраине, где лес подступал вплотную к частоколу. Они остановились у небольшой хижины на отшибе.

Пастырь толкнул дверь хижины плечом и вошел внутрь первым.

— Здесь мы нашли его три дня назад. Внутри пахло смертью и сыростью. Тело уже убрали, но след остался. На земляном полу темнело огромное засохшее пятно неправильной формы. Борозды от ногтей в утоптанной земле говорили о том, что человек умер не сразу.

Картер присел на корточки у порога. Он провел пальцем по краю пятна.

— Твои люди сказали — зверь?

— Лес берет свое, детектив. Картер поднял голову и посмотрел на Пастыря снизу-вверх. — Нет. Не берет так. Он указал на угол хижины у самого потолка. Там виднелись глубокие борозды от когтей или ножа — кто-то яростно пытался зацепиться за бревна в последней агонии или чтобы подтянуться вверх от пола.

— Если бы это был зверь... — Картер встал и подошел к стене вплотную к пятну крови на полу. Он приложил ладонь к стене там, где должны были быть брызги от удара лапой или челюстями под таким углом. Стена была чистой до самой земли. — ...кровь была бы здесь. На стене брызги сверху вниз или веером от удара лапой по лежащему телу. А здесь... Кровь текла ровно из одной точки на полу.

Картер медленно повернулся к Пастырю. — Его убили здесь? Пока он спал? Или он знал убийцу? Пастырь не изменился в лице. Он все так же спокойно смотрел на детектива поверх своей чашки с отваром.

— Ты видишь то, что хочешь видеть, человек из города. Ты ищешь преступление там, где есть лишь естественный отбор. Картер сделал шаг вперед, вторгаясь в личное пространство Пастыря.

— Я вижу ложь. Вы все лжете мне прямо сейчас. Вы говорите о природе? Природа не лжет! А вы... вы пытаетесь скрыть убийство за красивыми словами о «естественном порядке». Тишина в хижине стала звенящей. Напряжение достигло пика. Взгляд Пастыря не дрогнул ни на миллиметр, но воздух между ними сгустился до состояния желе.

— Уходи из моего дома, детектив Уильям Картер, — тихо произнес Пастырь голосом, который больше не убаюкивал, а резал по живому.

— Уходи сейчас же и больше не возвращайся без ордера и армии за спиной. Это была прямая угроза, замаскированная под вежливую просьбу.

Картер вышел из хижины в сгущающиеся сумерки. Дождь усилился, превращая землю в чавкающую грязь под ногами Пастыря и его молчаливых стражей у входа в большой дом поселка.

Детектив дошел до своей машины под их неотрывными взглядами из окон и дверных проемов селений-призраков современного мира. Он сел за руль, завел двигатель и включил фары. Лучи света выхватили из темноты частокол и безмолвные силуэты домов.

Он достал телефон из кармана плаща — экран по-прежнему был мертв. Связи нет. Но он должен был зафиксировать это место в памяти своего устройства хотя бы так.

Картер открыл карту вручную и поставил метку: «Светлый Край». «Место... там... смерть». Слова анонимного звонка эхом отдавались в голове вместе с ровным голосом Пастыря: «Ты видишь то, что хочешь видеть».

Нет. Он видел то, что было на самом деле: кровь на полу без брызг на стенах и абсолютный контроль одного человека над сотней других под видом свободы от цивилизации.

Картер развернул машину на узкой дороге и направил ее прочь из этого места обратно к цивилизации с ее шумом и ложью. Но он знал одно наверняка: он вернется сюда один раз он уже пересек черту между миром живых законов и миром «естественного порядка», где убивают во имя чистоты души. И этот мир только что объявил ему войну.

Глава 2. Эхо в лесу

Утро в «Светлом Крае» пахло мокрой хвоей, древесным дымом и чем-то приторно-сладким, что Картер не мог идентифицировать. Ночью он почти не спал, ворочаясь на жесткой койке в гостевом домике. Сон не шел. В голове эхом отдавались слова Пастыря: «Смерть — это часть естественного порядка вещей». Эта фраза звучала как издевательство, как оправдание.

Пастырь ждал его на том же месте, где они расстались. Он был свеж и спокоен, словно не было ни ночного разговора, ни угрозы. В его руках была все та же чашка с травяным отваром.

— Я распорядился, чтобы тебе показали место, — без предисловий сказал он. Голос был ровным, гипнотическим.

— Староста Марк проводит тебя. Он нашел тело. Картер молча кивнул. Он не стал благодарить. Любезность здесь была оружием, а Пастырь был мастером этого оружия. Они пошли в сторону леса, прочь от частокола. Марк, угрюмый мужчина с лицом, изрезанным морщинами, шел впереди, не оборачиваясь. Напряжение росло с каждым шагом вглубь чащи.

Лес поглотил их звуки. Тишина здесь была не просто отсутствием шума; она была плотной, физически ощутимой субстанцией, которая давила на уши и заставляла говорить шепотом. Картер шел следом за Марком, отмечая детали: как староста умело обходит валежник, как его плечи напряжены. Он знал дорогу. Он бывал здесь часто.

— Далеко еще? — спросил Картер.

— Здесь рядом, — буркнул Марк, не сбавляя шага.

— У оврага. Они вышли на небольшую поляну. В центре поляны земля резко уходила вниз, образуя глубокий, поросший папоротником овраг. На самом краю, у кромки леса, лежало нечто, что когда-то было человеком.

Тело было накрыто куском грубой мешковины. Картер подошел ближе. Воздух здесь был тяжелым, сладковатый запах стал невыносимым. Он присел на корточки рядом с трупом. — Кто это? — спросил он у Марка. — Томми Хэйс. Бывший наш.

Картер аккуратно приподнял край мешковины. То, что он увидел, заставило его желудок сжаться в ледяной ком. Это было не просто убийство. Это было уничтожение. Лицо превратилось в бесформенную маску из мяса и костей. Грудная клетка была проломлена с такой силой, что ребра торчали наружу острыми осколками. Одна рука была вывернута под неестественным углом и почти оторвана в плечевом суставе.

— Зверь? — хрипло спросил Картер, глядя на Марка снизу вверх.

— Медведь-шатун или рысь. Мы нашли следы у ручья, — безучастно ответил староста, глядя куда-то в лес. Картер снова посмотрел на тело. Официальная версия общины была удобна и проста: дикий зверь вышел из чащи и сделал свое дело. Но детектив видел то, что не укладывалось в эту картину.

Он начал осмотр по периметру тела, двигаясь медленно и методично. Во-первых, поза. Труп лежал слишком аккуратно для нападения хищника. Зверь хватает жертву и тащит ее, рвет на части в хаотичной ярости. Здесь же тело словно аккуратно положили на край оврага после того, как с ним закончили. Во-вторых, следы борьбы... или их отсутствие. Вокруг тела папоротник был примят лишь слегка, но земля была твердой и каменистой. Никаких глубоких борозд от ногтей или отпечатков каблуков в радиусе нескольких метров от тела Картер не увидел. Если бы человека атаковал медведь весом в полтонны, он бы нанес удар лапой или

укусил. Жертва бы отлетела или попыталась уползти, оставляя за собой борозду. Здесь же тело лежало в эпицентре абсолютного покоя.

Картер встал и отошел на несколько шагов назад. Он прищурился, оценивая общую картину.

— Вы сказали «следы у ручья»? — Да, ярдах в ста к северу. Картер посмотрел на глубокие борозды от когтей на стволе старой ели в двух метрах от тела. Они были свежими.

— А эти следы? — он указал на дерево. Марк пожал плечами:

— Зверь метил территорию. Картер подошел к дереву и провел пальцем по коре под самой глубокой царапиной. На пальце осталась мелкая древесная пыль и смола. Он посмотрел наверх. На высоте примерно восьми футов ветка была сломана и висела на лоскуте коры.

Картина начала складываться в его голове, и от этого становилось жутко. Он вернулся к телу и присел снова, внимательно изучая характер повреждений на груди и лице. Рваные раны были глубокими, но края... Края были слишком ровными для клыков хищника. Это больше походило на работу тупого тяжелого предмета или... инструмента с зазубринами.

И последнее. Запах. Тот самый сладковатый гнилостный запах исходил не только от разлагающейся плоти. К нему примешивался другой аромат — резкий, химический запах антисептика или какого-то чистящего средства.

Картер встал и отряхнул колени. Он посмотрел на Марка. Староста стоял неподвижно, как статуя, и смотрел прямо перед собой пустым взглядом.

— Вы трогали тело? — спросил Картер тихо.

— Мы накрыли его до твоего прихода. Таков порядок. «Порядок», — мысленно повторил Картер то же слово, что вчера произнес Пастырь о смерти.

Картер сделал шаг к Марку, сокращая дистанцию до опасной близости. Он говорил тихо, но каждое слово било точно в цель:

— Ты врешь мне прямо сейчас. Вы все мне врете. Никакого медведя здесь не было. И рыси тоже. Марк дернулся, как от удара током, но не отступил. Его лицо оставалось каменным.

— Я говорю то, что мне велел Пастырь говорить чужакам.

— А что велел Пастырь делать с телом Томми Хэйса? Вопрос повис в воздухе тяжелым грузом. В глазах старосты на долю секунды промелькнул животный страх — первобытный ужас перед тем, что их тайна раскрыта. Но он тут же сменился тупой покорностью.

— Я ничего не знаю об убийстве... если это было убийство. Это была ключевая фраза. Убийство — это слово из внешнего мира. Мира законов и полиции. Здесь же это называлось иначе: «естественный отбор», «очищение», «необходимость».

Картер понял всё окончательно. Тело принесли сюда из другого места — возможно, из той самой хижины у леса — и инсценировали нападение зверя. Они сломали ветку на дереве, чтобы создать видимость борьбы хищника за добычу на высоте (отсюда след на стволе). Они проломили грудную клетку каким-то инструментом (отсюда ровные края ран). А потом они вымыли место вокруг тела этим антисептиком (отсюда химический запах), чтобы скрыть следы борьбы на земле или... следы того, что здесь произошло на самом деле после смерти Томми?

Напряжение достигло пика. Лес вокруг них словно сжался, деревья стали ближе друг к другу.

— Зачем? — прошептал Картер скорее себе, чем Марку.

— Зачем так сложно? Почему просто не сказать правду? Марк медленно повернул голову и посмотрел на детектива мертвыми глазами:

— Потому что правда здесь принадлежит Пастырю. А ты... ты здесь чужой.

Картер больше ничего не сказал Марку. Он достал из кармана маленький блокнот и сделал несколько пометок карандашом: «Инструм.повр., инсцен., химзапах». Затем он аккуратно накрыл тело мешковиной обратно.

Староста молча развернулся и пошел обратно к поселку по едва заметной тропе. Картер последовал за ним через несколько секунд. Он шел медленнее, обдумывая увиденное.

Дело перестало быть просто расследованием убийства в глуши. Оно превратилось во что-то гораздо более темное и сложное. Это был не просто сокрытие преступления общиной от закона. Это было создание альтернативной реальности внутри леса, где убийство можно выдать за волю природы с помощью сломанной ветки и ведра хлорки.

Когда частокол «Светлого Края» снова вырос перед ним из-за деревьев, Картер остановился у ворот поселка и оглянулся на лесную чащу за спиной. Лес молчал в ответ. Но теперь он знал: этот лес хранил не только тайны природы. Он хранил их ложь. И эта ложь пахла антисептиком и смертью.

Глава 3. Стена молчания

Утро в «Светлом Крае» пахло иначе, чем в городе. Здесь не было вони выхлопных газов и мокрого асфальта. Воздух пах сырой землей, древесным дымом и чем-то приторно-сладким, что Картер не мог идентифицировать. Запах разложения, смешанный с химическим антисептиком. Он стоял на крыльце гостевого домика, вдыхая эту смесь, и чувствовал, как холодная сырость пробирается под плащ.

Ночь он провел без сна. Слова Пастыря — «Смерть — это часть естественного порядка вещей» — эхом отдавались в голове, наслаиваясь на образ изуродованного тела Томми Хэйса. Официальная версия о «медведе-шатуне» трещала по швам. Детективу нужна была информация, но не та, что можно найти в отчетах. Ему нужны были люди.

Он спустился с крыльца на утопанную землю центральной «улицы». Поселок уже не спал, но и не жил в привычном понимании этого слова. Движение было медленным, вязким. Люди появлялись из-за углов бревенчатых стен, словно тени, выполняющие утренний ритуал. Они несли ведра с водой, кололи дрова. Никто не разговаривал.

Картер направился к женщине средних лет, которая развешивала на веревке выстиранное белье. Она была одета в простое холщовое платье, ее волосы были туго стянуты назад.

— Простите, — начал Картер, останавливаясь на безопасном расстоянии. Его голос прозвучал слишком громко в этой звенящей тишине.

— Я хотел бы задать пару вопросов.

Женщина замерла. Ее руки застыли над мокрой простыней. Она медленно повернула голову и посмотрела на него. В ее глазах не было ни удивления, ни любопытства — только глубокий, первобытный страх. Она не произнесла ни слова. Просто подхватила пустое ведро и быстрым шагом скрылась за углом ближайшего дома, оставив белье висеть на ветру.

Картер почувствовал нарастающее раздражение, смешанное с глухой яростью. Это была стена. Не частокол из бревен, а невидимая стена страха и подчинения.

Он двинулся дальше. У колодца стоял пожилой мужчина с седой бородой. Он методично крутил ворот, поднимая ведро с водой.

— Доброе утро, — Картер подошел ближе.

— Я детектив Картер. Расследую смерть Томми Хэйса.

Старик даже не прервал своего занятия. Он смотрел прямо перед собой, на темную воду в колодце.

— Вы знали его? — Картер повысил голос, пытаясь пробиться сквозь барьер молчания.

Старик дернул ведро вверх. Вода плеснула через край на его сапоги. Он посмотрел на Картера лишь на долю секунды — короткий, испуганный взгляд снизу-вверх — и тут же снова уставился в колодец.

— Я... я ничего не знаю, — пробормотал он едва слышно и, перехватив ручку ворота покрепче, поспешил прочь от детектива, расплескивая воду.

Картер остался один посреди улицы. Он чувствовал себя прокаженным. Каждый его шаг вызывал цепную реакцию: скрип двери тут же затихал, фигуры в окнах исчезали за занавесками. Он был чужаком не просто по факту рождения в другом месте. Он был носителем вируса сомнения в этом стерильном мире покорности.

Он решил сменить тактику. Если взрослые запуганы до состояния ступора, возможно, дети более непосредственны? Он заметил их почти сразу. Они не играли. Они наблюдали.

Трое детей лет десяти-двенадцати стояли у покосившегося сарая на окраине поселка. Они были неподвижны, как статуи. Их одежда была такой же простой и грубой, как у взрослых. Но главное — их глаза. Пустые взгляды. В них не было детской наивности или озорства. Это были глаза дозорных на стене крепости.

Картер медленно направился к ним. Он двигался плавно, без резких движений, стараясь не спугнуть их.

— Привет, — тихо сказал он, остановившись в нескольких метрах.

Дети синхронно повернули головы в его сторону. Ни один мускул на их лицах не дрогнул. Они просто смотрели. Их молчание было физически ощутимым давлением на барабанные перепонки.

— Я ищу... — Картер осекся.

Один из мальчиков, самый высокий, сделал едва заметный шаг назад. Не отступил в страхе, а просто сместил центр тяжести для возможного бегства или защиты. В этот момент из-за спины Картера выросла тень.

Он обернулся. Это был один из тех мужчин, что встретили его вчера у ворот. Тот же спокойный взгляд хищника на своей территории.

— Детям не о чем с тобой говорить, — ровным голосом произнес мужчина.

— Я просто хотел... — начал Картер.

— Ты хотел нарушить покой общины вопросами о вещах, которые тебя не касаются. Иди за мной.

Мужчина развернулся и пошел обратно к центру поселка. Это был не вопрос и не просьба. Это был приказ от Пастыря через его подручных.

Мужчина привел его к тому же длинному дому с высокой крышей — резиденции Пастыря или месту сбора старост. У входа стоял второй стражник. Они встали по бокам от Картера, отрезая пути к отступлению.

Дверь открылась изнутри. На пороге стоял сам Пастырь. Сегодня он был одет так же во все черное. Седые волосы были идеально чисты даже после дождя и лесной дороги. В руках он держал ту же деревянную чашку с дымящимся отваром трав. От него исходил аромат мяты и чего-то горького.

— Я вижу, ты уже начал свое расследование, детектив Картер? — голос Пастыря был бархатным, обволакивающим, но в нем слышались стальные нотки предупреждения.

— Я опрашиваю свидетелей, — Картер выпрямился во весь рост, глядя ему прямо в глаза. — Это стандартная процедура при расследовании убийства.

Пастырь сделал маленький глоток из чашки и облизнул губы.

— Мои люди напуганы твоими вопросами о Томми Хэйсе. Ты приносишь смуту в наш покой разговорами о «убийстве». Здесь нет убийств в том смысле, который ты вкладываешь в это слово из своего мира законов и полиции.

Он сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе.

— Есть естественный отбор. Есть очищение от слабых духом или тех, кто нарушает гармонию общины ради собственной выгоды или эгоизма. Твои вопросы заставляют их сомневаться в том порядке вещей, который обеспечивает им безопасность и мир в душе.

Пастырь шагнул ближе к Картеру, вторгаясь в его личное пространство. Аура абсолютного контроля стала почти осязаемой.

— Я прошу тебя прекратить это немедленно. Не пытайся говорить с детьми или женщинами без моего прямого разрешения или присутствия старосты Марка. Они чисты и наивны, а твой цинизм отравит их умы так же легко, как капля яда отравляет родник.

Это была не просьба. Это был ультиматум, замаскированный под отеческую заботу. Взгляд Пастыря давил тяжестью гранитной плиты: «Ты здесь никто».

Картер выдержал этот взгляд несколько секунд дольше, чем требовалось для вежливости или безопасности, а затем медленно кивнул:

— Я понял вас... Пастырь.

Он развернулся на каблуках и пошел прочь от дома старост к своей машине. Он чувствовал их взгляды на своей спине — взгляды Пастыря из окна и двух молчаливых стражей у входа. Взгляды всего поселка из-за занавесок и приоткрытых дверей.

Он сел за руль своего старого седана и захлопнул дверь, отрезая себя от этого мира тишины и страха. Завел двигатель. Фары выхватили из сумерек частокол и безмолвные силуэты домов-крепостей.

Картер посмотрел в зеркало заднего вида на поселок «Светлый Край». Он больше не сомневался: это не просто община отшельников или сектантов-пацифистов под руководством харизматичного лидера

Это была тюрьма с добровольными узниками и жестоким надзирателем во главе.

И эта тюрьма только что объявила ему войну

Он включил передачу и направил машину прочь по разбитой грунтовке обратно к цивилизации с ее шумом и ложью, но теперь он знал точно: он вернется сюда один раз он уже пересек черту между миром живых законов и миром «естественного порядка», где убивают во имя чистоты души.

Глава 4. Архитектура пустоты

Уильям Картер вернулся в свой гостевой домик, который больше напоминал клетку, чем место для отдыха. Деревянные стены давили, а запах сырой земли, казалось, проникал сквозь доски пола. Он сел на жесткую койку и достал из внутреннего кармана плаща блокнот. Страница была исписана лишь наполовину: «Инструм.повр., инсцен., химзапах». Этого было катастрофически мало.

Он понимал, что лобовая атака провалилась. Попытка прямого диалога с жителями наткнулась на стену животного страха. Пастырь, этот кукловод в черном, четко очертил границы дозволенного. Но Картер был детективом старой школы. Если люди молчат, нужно слушать то, о чем они молчат. Нужно изучать не слова, а контекст.

Он вышел на улицу. Утренний туман еще цеплялся за верхушки елей, скрывая частокол. Поселок просыпался, но это было странное пробуждение. Не было ни шума радио, ни гула машин, ни детского смеха. Только ритмичный стук топора где-то за домами и мычание коровы.

Картер начал обход. Он шел медленно, делая вид, что просто изучает быт общины, но его взгляд был взглядом криминалиста, ищущего улики.

Экономика. Он зашел в один из домов, дверь которого была приоткрыта. Внутри царил идеальный порядок. Никакой современной техники. Стол из грубых досок, лавки вдоль стен. В углу — прялка и ткацкий станок. На полках — запасы сушеных трав, зерна, вяленого мяса. Он не увидел ни одного кошелька, ни одной монеты или купюры. В центре стола стояла большая глиняная миска с кашей — одна на всех, кто находился в доме в данный момент.

Денежная система отсутствует как класс. Полный натуральный обмен и коммунальное потребление.

Он подошел к колодцу на центральной площади. Веревка была сплетена из конопли, ведро — деревянное, окованное железом. Он поднял взгляд к небу — ни одной спутниковой тарелки на крышах. Он достал свой телефон — экран по-прежнему был мертв.

Полная технологическая изоляция. Отсутствие связи с внешним миром не случайно — это условие существования общины.

Он прошел мимо длинного дома, который вчера принял за склад или столовую. Изнутри доносились голоса. Он заглянул в щель между бревнами. Взрослые сидели полукругом перед Пастырем, который что-то монотонно вещал, помешивая ложкой отвар в своей неизменной чашке. Детей не было видно.

Школы нет. Образование (или скорее идеологическая обработка) происходит централизованно под контролем лидера.

У ворот он увидел сцену, которая расставила все по местам. Молодой парень лет двадцати пытался выйти за частокол с мешком за плечами.

— Я ухожу! — крикнул он в пустоту леса. Из-за угла бесшумно вышли двое старост — те самые мужчины с лицами хищников.

— Ты не можешь уйти просто так, — спокойно сказал один из них.

— Это мое право! Я свободный человек! Парень сделал шаг назад, но уперся спиной в частокол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.